

Рец Юлия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

jrets@inbox.ru

Научный руководитель – В.В. Федченко, канд. филол. наук

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА «ТЕВЬЕ-МОЛОЧНИК»)

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, прагматика текста, идиш.

Дискурсивные маркеры обсуждаются с точки зрения их роли в организации художественного текста. Показаны особенности использования дискурсивных маркеров языка идиш с учетом прагматики текста, а также рассмотрены авторские стратегии употребления отдельных групп дискурсивных маркеров.

Rets Julia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

THE ROLE OF DISCOURSE MARKERS IN THE STRUCTURE OF LITERARY TEXT (ON THE EXAMPLE OF «TEVYE THE DAIRYMAN» BY SHOLEM-ALEICHEM)

Keywords: discourse markers, text pragmatics, Yiddish.

The article discusses various discourse markers in terms of their role in the structure of the literary text. It also shows some peculiarities of Yiddish discourse markers from the point of view of text pragmatics and describes a number of authors strategies of usage of the specific types of discourse markers.

Дискурсивные маркеры наряду с прочими стилистическими средствами являются эффективным инструментом воздействия на восприятие и управления фокусом внимания. Считается, что употребление дискурсивных маркеров в большей степени присуще спонтанной, устной речи. Однако в художественных текстах дискурсивные маркеры используются авторами не только при имитации

речевого потока. В статье предлагается на конкретном примере рассмотреть, каким образом дискурсивные маркеры участвуют в организации художественного текста.

Цикл рассказов Шолом-Алейхема (настоящее имя Шалом (Шолем) Рабинович, 1859–1916) «Тевье-молочник» («Tevje der milchiker») написан на идише. Рассказы, объединенные наличием общей фабулы и единым стилем изложения, построены в виде монолога главного героя, Тевье-молочника, который рассказывает историю своей жизни и своей семьи.

Идиш относится к языкам с богатым набором лексических языковых единиц дискурсивного маркирования. Можно выделить несколько групп дискурсивных маркеров (далее — ДМ), которые регулярно употребляются в устной и письменной речи. Лексемы *in* 'и', *ober* 'но, однако', *nor* 'но, только', как правило, обозначают начало новой, либо «модуляцию» уже высказанной ранее мысли; группа частиц, получивших название «модальные частицы» или оттеночные маркеры *nach* 'еще', *dax* 'ведь, же', *šoun* 'уже', *že* 'же', *afile* 'даже' и др., позволяет усиливать, либо снижать иллокутивную силу высказывания; вводные слова и выражения *efšer* 'возможно', *avade* 'конечно', *mistome* 'вероятно', *dakht zikh* 'кажется', *a kitser* 'короче', *der emes gezogt* 'по правде говоря'.

Нужно также отметить, что в идише немаркированный порядок слов в главной клаузе в индикативе — SVO, с фиксированным положением глагола на второй позиции [Jacobs 2005: 203]. ДМ чаще всего появляются либо в инициальной позиции в клаузе, либо сразу после глагола (V1), внутри глагольной рамки. В ряде случаев появление ДМ может вызывать синтаксическую инверсию (т. е. вслед за ДМ следует глагол (V1) и лишь затем актанта (S)). Перемещение ДМ в конец клаузы — редкость (Корпус языка идиш (КЯИ) фиксирует подобное употребление лишь в современных текстах). В зависимости от внешней формы (односложные, двусложные слова, словосочетания) и фразового ударения ДМ можно разделить на несколько групп: 1) группа односложных модальных частиц германского происхождения (сходных с немецкими модальными частицами типа *doch*, *schon*), которые легко встраиваются в глагольную рамку и, находясь в безударной позиции, не вызывают инверсии. Такие ДМ выражают, как правило, оттенки эмоционального отношения говорящего к ситуации (по шкале много/мало, соответствие ожиданиям/неожиданность); 2) группа ДМ, которые стремятся к обособлению и могут вызывать инверсию в предложении: *avade* 'конечно', *efšer* 'возможно'; 3) союзы, не вызывающие инверсии, например

in 'и', *nor* 'но, однако', которые оказываясь в инициальной позиции в клаузе позволяют устанавливать логические связи между смысловыми блоками текста: отношения контраста, логического продолжения, усиления и т. д.

«Тевье-Молочник» — своего рода энциклопедия дискурсивных маркеров. Как правило, процент дискурсивных слов, используемых в художественных текстах авторов начала XX века составляет около 3% (от общего количества знаменательных слов). В «Тевье-Молочнике» ДМ составляют порядка 6% на монологических отрезках текста. В кратком предисловии Шолом-Алейхем сообщает: «Рассказано самим Тевье, и записано слово в слово», таким образом, автор с самого начала дает установку на то, что будет воспроизводить устную речь. Он имитирует спонтанную речь, наполненную поговорками, экивоками, отступлениями от темы, создавая художественное пространство, где многие черты гипертрофированы и утрированы. В частности, Шолом-Алейхем подмечает такую особенность устной речи, как обилие «паразитарного» материала — междометий, частиц, самоперебивов, отклонений от темы в виде поговорок, парафразов и прямых цитат из религиозных текстов.

В дискурсивном плане для рассказов характерна сложная организация. Монолог Тевье (который длился бы часами, если бы он проговаривал его вслух) содержит многочисленные вставки, в том числе диалоги, пересказ чужой речи, цитаты из Танаха и т. п. Для того, чтобы вернуть рассказ в нужное русло, автор использует наряду с лексическими средствами специфические формы глагола (причастия) а также дискурсивные маркеры: *bekitser* 'короче', фразему *Ve jihje hajom* 'и был день' (реминисценция к библейскому ивриту). Лексема *bekitser* является наиболее частотным средством маркирования возвращения повествования к оставленной ранее теме после длительного отступления, которое может занимать 1–2 страницы. Создавая столь протяженный монолог, Шолом-Алейхем успешно избегает монотонности, в том числе благодаря обилию ДМ. С точки зрения прагматики текста, ДМ регулируют скорость подачи информации и управляет. Можно сказать, что регулярное использование ДМ на границах смысловых блоков, позволяет использовать их как дополнительное референциальное средство, обеспечивающее когерентность текста.

Дискурсивные маркеры различных типов демонстрируют высокую степень сочетаемости. Так, маркеры-комментаторы, отсылающие к авторитетному мнению (в том числе, маркеры литургического текста), резюмирующие маркеры (*bekitser*), логические маркеры (*ni*,

nor) хорошо сочетаются с оттеночными маркерами и с маркерами-экспрессивами: *Ix bin demolt geven gor ništ der, vos itster, dos heist, take der ejgener Tevje, nor fort ništ der...* ‘Я был тогда не тот, что сейчас, то есть, тот самый Тевье, но не совсем’.

Особое место в текстах Шолом-Алейхема (и, в частности, в анализируемом тексте) занимают дискурсивные фраземы — устойчивые словосочетания, такие как *kejnore* ‘чтоб не сглазить’, *xalile* ‘упаси Бог’, *lehavdl* ‘не рядом будь помянут’, *mirtsešem (im-jirtse-haşem)* ‘с божьей помощью’, *sonе tšion* ‘враги Сиона’, *zoln gezunt zajt* ‘чтобы они были здоровы’, *zogt ir* ‘как вы говорите’. Устойчивый оборот *vi zogt ir* ‘как вы скажете, как говорится’ регулярно используется для того, чтобы ввести цитату или парафраз из священного писания на древнееврейском языке. Подобные вставки являются комментирующим пластом лексики и служат для автора (писателя Шолом-Алейхема) стилистическим средством создания образа местечкового еврея, речь которого изобилует импровизациями на тему религиозных текстов [Вайс 2008, с. 71]. Приведем примеры:

A mentš horevet, vert ojsgerisn, hotš nem lejg zix, sonej tšion, un štorb! ‘Человек трудится, надрывается, хоть ложись — **врагам бы Сиона (такую участь)! — да помирай!**’

Un dermit gej halt ojs, kejnore, aza štub mit pikers, zoln gezunt zajn, mit, lexavdl, a ferd af kest, vos vil ništ visn, vos Raši maxt, badarf kajen ale tog, gor an a šum tirts. ‘И к тому же, изволь содержать такой дом, **чтоб не сглазить**, с едоками, **чтоб они были здоровы**, да (еще) и, не рядом будь помянута, лошадь в стойле, которая знать не хочет, что там Раши говорил, а корми ее каждый день, и без всяких отговорок!’

Вернемся к т.н. «паразитарному» материалу. Для спонтанной речи характерно многократное использование — частиц (типа «ну»), самоперебивов (вы сами знаете, сами понимаете), отклонений от темы. Это находит отражение в тексте Шолом-Алейхема. В качестве «паразитарного» материала употребляются и «литургические вставки». Причем, излишне частотное употребление вставок-эпитетов создает комический эффект. С другой стороны, многократное употребление этих лексем уподобляет их формулам-эпитетам, какие встречаются в эпических текстах (например, эпитеты из русских народных сказок: девица — «красна», молодец — «добрый», а змий — «поганый»). Литургические вставки работают как дискурсивные маркеры и в силу особенности языка идиш, который, при адаптации подобной лексики часто сводит развернутую фразу к интонационно обособленной единице, как, например, в случае с лексемой *lehavdl*.

Лехавдл буквально означает «для отделения» — это фрагмент из молитвы, которую произносят на исходе шаббата, чтобы отделить субботний день от обычного. В идише же это слово употребляется в значении «не рядом будь помянут» и употребляется это выражение, например, когда идет последовательное перечисление, того, что не является синонимами.

С точки зрения внутренней прагматики высказывания, говорящий — Тевье, используя дискурсивные маркеры 1) снимает с себя ответственность за истинность высказывания; 2) пытается убедить слушателя в обоснованности своих заявлений; 3) «навязывают» слушателю определенную схему координат восприятия мира (слова-вставки и выражения-вставки в данном случае, так же несут положительную и отрицательную коннотацию). Кроме того, использование дискурсивной лексики, относящейся к разным литературным регистрам, так же позволяют дополнить стилистически образ говорящего.

Специфические для идиша вставки — «литургические маркеры» позволяют автору имплицитно вводить в текст культурные коды, которые легко прочитываются носителями еврейской культуры и создают эффект «национального колорита» для носителя иной культурной традиции.

Итак, существуют различные виды дискурсивных маркеров, которые действуют на разных уровнях текста. В большинстве своем они неспецифичны и функционируют в художественном тексте так же, как и в любом другом. В научных и информационных текстах дискурсивные маркеры выполняют, как правило, роль «опорных» слов. Задача ДМ в таких текстах сводится к следующему: представить выдвигаемую теорию, подчеркнуть важные моменты, обратить внимание на несоответствия, заострить внимание читателей на наиболее значимых блоках информации. В художественных же текстах дискурсивные маркеры помимо функций разметки текста по смысловым блокам несут следующую нагрузку: 1) «оттеночные маркеры» позволяют передавать отношение говорящего к ситуации, маркируют высказывание стилистически; 2) задают определенную систему координат для «оценки» происходящего. Утрированно частотное повторение одних и тех же языковых единиц, создает дополнительные ассоциативно-референциальные связи и является способом управления вниманием читателя. Специфическим приемом, который широко применяется в исследованном тексте, является употребление «литургических вставок», которые употребляются как формулы-эпитеты и функционируют как ДМ, имплицитно маркируя отношение говорящего к ситуации по оценочной шкале «добро/зло».

ЛИТЕРАТУРА

Вайс, 2008 — *Вайс Р.* Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам / пер. с англ. Н Рохлиной под ред. З. Копельман. М.; Иерусалим, 2008.

Корпус Языка Идиш — www.web-corpora.net/YNIC/

Jacobs, 2005 — *Jacobs N.* Yiddish. A Linguistic introduction. Cambridge University Press, 2005.